

Глава 2

Г.В.Плеханов в борьбе с народничеством

Русский марксизм, главным основоположником и учителем которого был Г.В.Плеханов, должен был неизбежно начать с критики народничества как идейного течения, всецело господствовавшего над умами революционной молодежи того времени.

Это была долгая и упорная борьба с закоренелыми предрассудками. Она продолжалась с 1883г. (с момента образования группы «Освобождение труда») вплоть до 1896г., до знаменитой летней стачки 30-тысяч ткачей и прядильщиц в Петербурге, когда рабочий класс своей практикой лучше всего доказал правильность марксистской теории и когда социал-демократия сделалась общепризнанной силой, общепризнанным фактом русской жизни.

И до самой середины 90-х годов, когда появилось новое поколение молодых марксистов (Струве, потом Потресов, Мартов и особенно Ленин) – все это время главную тяжесть борьбы с народничеством и прокладывания совершенно новых путей в русской общественной мысли выпала на долю почти исключительно одного Плеханова.

Именно он, огромная идейная работа, проделанная им за эти годы, начав с привлечения одиночек и небольших кружков в различных городах России, спустя 12 лет, с выходом в свет «Монистического взгляда на историю» завоевала для марксизма лучшую часть интеллигенции и наиболее сознательных рабочих.

И первая книга, с которой выступил Плеханов против народничества, книга изумительная по богатству и глубине содержания, силе аргументации и блеску изложения, содержащая прямо пророческий анализ будущих судеб России, - эта книга

создала марксизму пламенных сторонников и многочисленных озлобленных врагов.

Г.В.Плеханов выступил с критикой обеих разновидностей русского революционного марксизма – бакунизма и бланкизма (в лице Ткачева и некоторых литературных представителей «Народной Воли», особенно Тихомирова) и доказал всю беспочвенность их программных и тактических взглядов.

Напомним читателю, что бакунисты (они получили свое название по фамилии известного русского анархиста Бакунина) отрицали политическую борьбу и проповедовали анархистско-общинный строй, а бланкисты (названные так по имени французского революционера Бланки), наоборот, все надежды возлагали на захват власти кучкой смелых заговорщиков, которые потом путем декретов должны были ввести социалистический строй.

Своими выступлениями Плеханов восстановил против себя весь эмигрантский муравейник обломков народнического периода русской истории.

Во главе врагов Плеханова встал наиболее видный из оставшихся в живых публицист и практик «Народной Воли», бывший редактор ее центрального органа и член «распорядительной комиссии» Исполнительного комитета Лев Тихомиров. И неудивительно: его наиболее беспощадно развенчивал и критиковал Плеханов в «Наших разногласиях».

В книге «Наши разногласия» наряду с критикой теоретических взглядов народничества, мы находим также богатейший фактический статистико-экономический материал, доказывающий разрушение общины, расслоение деревни и кустарей, рост капитализма.

Заграничные издания Плеханова в ничтожных количествах просачиваются в Россию, воспитывая тех первых марксистов, которым потом суждено было образовать старую гвардию будущей социал-демократической, а затем и коммунистической партии.

Второй этап борьбы Г.В.Плеханова с народничеством – это эпоха «легального марксизма», начало царствования Николая II.

Правительству выгодна была распря в демократическом лагере между народниками и марксистами.

В этот период появляются статьи Плеханова в легальной печати под псевдонимом Бельтов и другими. Книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1894г.) оказала огромное влияние на результаты борьбы марксизма с народничеством. Впервые перед широкой аудиторией была изложена в достаточно прозрачной и увлекательной форме философия марксизма. Впервые перед той же широкой аудиторией были намечены перспективы будущего освободительного движения в России и роль в нем пролетариата. Эффект книги Бельтова был огромным, оказал влияние на молодежь. Люди буквально в одну ночь становились марксистами. «Революция в головах», которая, по выражению Маркса, предшествует «революции на деле», свершилась. Теперь ученики Плеханова все усилия направили на подготовку этой второй революции.

В эпоху «Искры» и «Зари», в 1901-1903гг., наступил третий этап борьбы Плеханова с народничеством, а именно с эсерами, которые продолжали считать основной революционной массой крестьянство.

В главе использованы тексты работ Плеханова:

- «Социализм и политическая борьба»,
- «Наши разногласия».

1. Г.В.Плеханов. «Социализм и политическая борьба». (цит. по кн.: Г.В.Плеханов. Избр. филос. произв. В 5-ти тт. М. 1956-1958. Т. 1. С. 51 – 111 выборочно)⁵.

Стремление работать в *народе* и для народа, уверенность в том, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса», - эта *практическая* тенденция нашего народничества дорога мне по-прежнему. *Теоретические* же его положения, действительно, кажутся мне во многих отношениях

ошибочным. Годы пребывания за границей и внимательного изучения социального вопроса убедили меня, что торжество стихийного народного движения, вроде бунта Ст. Разина или крестьянских войн в Германии, не может удовлетворить социально-политических нужд современной России, что старые формы нашей народной жизни носили в самих себе много зародышей своего разложения и что они могут «развиться в высшую коммунистическую форму» без непосредственного воздействия на них сильной и хорошо организованной *рабочей* социалистической партии. Поэтому я думаю, что рядом с борьбой против абсолютизма русские революционеры должны стремиться, по крайней мере, к выработке элементов для создания такой партии в будущем. В этой созидательной деятельности им по необходимости придется перейти на почву современного социализма, так как идеалы «Земли и Воли» не соответствуют положению промышленных рабочих.

С тех пор как русское революционное движение окончательно выступило на путь открытой борьбы с абсолютизмом, вопрос о политических задачах социалистов сделался самым насущным, самым жгучим вопросом для нашей партии. Из-за него расходились люди, связанные многими годами совместной практической деятельности, из-за него распадались целые кружки и организации. Можно даже сказать, что все русские социалисты временно разделились на два лагеря, державшиеся диаметрально противоположных взглядов на «политику». Как и всегда бывает в подобных случаях, дело не обошлось без крайностей. Одни считали политическую борьбу чуть ли не изменой народному делу, проявлением в нашей революционной интеллигенции буржуазных инстинктов, осквернением чистоты социологической программы. Другие не только призывали необходимость этой борьбы, но и готовы были в ее мнимых интересах идти на компромиссы с либерально-оппозиционными элементами нашего общества. Некоторые доходили даже до того, что считали вредным для настоящего времени всякое проявление классового антагонизма в России.

Насущные потребности русской жизни... все более и более толкали наших революционеров на путь политической борьбы. Между тем «передовцы» отрицали «политику» так же решительно, как и анархисты. Они не думали, правда, что социализм несовместим с вмешательством в политическую жизнь буржуазного государства, и вполне оправдали программу западноевропейской социал-демократии. Но они полагали, что возможность открытой организации рабочего класса в особую политическую партию куплена в современном «правовом» государстве слишком дорогой ценой: окончательным торжеством буржуазии и соответствующим эпохи капитализма ухудшением положения рабочих. Они забывали, что при оценке этого положения нужно принимать во внимание не только распределение национального дохода, но и *всю организацию производства и обмена*, не только *среднее количество* потребляемых рабочими продуктов, но и *сам вид*, который принимают эти продукты, не только *степень* эксплуатации, но и – в особенности – *ее форму*, но не только *факт порабощения* рабочих масс, но также и те *идеи и понятия*, которые зарождаются и могут зародиться в голове рабочего под влиянием этого факта. Они едва ли согласились бы с тем, что фабричный рабочий должен оказаться восприимчивее к социализму, чем временно-обязанный крестьянин; тем менее признали бы они, что переход, например, от натурального хозяйства к денежному увеличивает возможность сознательного движения рабочих масс во имя своего экономического освобождения. Философско-историческая часть учения Маркса осталась для них непрочитанною главою любимой книги; они слишком верили во всемогущее влияние своей пропаганды, чтобы искать для нее опоры в объективных условиях общественной жизни. И, подобно социалистам утопического периода, они сводили к этой пропаганде всю дальнейшую историю своей страны вплоть до социального переворота.

Но именно потому они и не могли вывести наше движение из той мертвой точки, в которую оно попало в конце семидесятых годов, благодаря отрицанию всякой политической борьбы, с одной стороны, и невозможности создать при

современных политических условиях сколько-нибудь сильную рабочую партию – с другой.

Честь сообщения нового размаха нашему движению бесспорно принадлежит «Народной Воле». У всех еще на памяти те нападения, которые вызвали против себя тенденции народолюбцев.

Конечно, аграрный вопрос лежал в основании всех или почти всех проявлений народного недовольства. Иначе и быть не могло в среде земледельческого населения, где «власть земли» сказывается решительно во всем складе и нуждах частной и общественной жизни. Этот аграрный вопрос настойчиво требовал своего разрешения, но он не вызывал *политического* недовольства. Крестьяне с спокойною уверенностью ожидали решения этого вопроса сверху: они «бунтовались» не во имя земельного предела, а против притеснения администрации, против непомерных тягостей податной системы, против азиатского способа взыскания недоимок и т. д.

Народники «старой веры», твердо держась догмата «самобытности», допускали все-таки, что эта самобытность нуждается еще в некоторой окончательной отделке. Одни находили, что у русского народа находится еще в слишком зачаточном состоянии бугор...- виноваты!- чувство храбрости и независимости; другие стремились к тому, чтобы реализовать самобытное настроение русского народа в виде не менее самобытной революционной организации. Но все одинаково признавали необходимость предварительной работы в народе. Народолюбцы пошли далее. В передовых статьях первых же №№ своего журнала они стали развивать ту мысль, что такая работа, во-первых, бесплодна («биться в народе, как рыба об лед»), а во-вторых, и излишняя, потому что 90 % депутатов, сочувствующих социальной революции, более чем достаточно для осуществления стремлений русских народников. Программа «Народной Воли» не могла придать себе народнического характера иначе, как доводя до абсурда все характеристические особенности народнического мирозерцания.

В этом заключается отрицательная заслуга народолюбивых фикций. Они будили критическую мысль русских революционеров, представляя им в утрированном виде «самобытные» черты их народнической программы.

«Народная Воля» не может найти себе оправдания, да и не должна искать его, помимо современного научного социализма.

Но что такое научный социализм? Под этим именем мы разумеем то коммунистическое учение, которое начало выработываться в начале сороковых годов из утопического социализма под сильным влиянием гегелевской философии, с одной стороны, и классической экономии – с другой; то учение, которое впервые дало реальное объяснение всему ходу развития человеческой культуры, безжалостно разрушило софизмы теоретиков буржуазии и «во всеоружии знания своего века» выступило на защиту пролетариата.

Чему учит нас в этом случае история? Она показывает нам, что всегда и везде, где процесс экономического развития вызывал расчленение общества на классы, противоречие интересов этих классов неизбежно приводило их к борьбе за политическое господство. Эта борьба возникла не только между различными слоями господствующих классов, но также между этими классами, с одной стороны, и народом – с другой, если только последний был поставлен в условия, хоть немного благоприятные для его умственного развития. В государствах древнего Востока мы видим борьбу между воинами жрецами; весь драматизм истории античного мира заключается в борьбе аристократии и демоса, партийцев и плебеев; средние века выдвигают горожан, которые стремятся завоевать политическое господство в пределах своих коммун; наконец, современный рабочий класс ведет политическую борьбу с буржуазией, достигшей полного господства в новейшем государстве. Всегда и везде политическая власть была рычагом, с помощью которого добившийся господства класс совершал общественный переворот, необходимый для его благосостояния и дальнейшего развития.

Теперь, когда буржуазия близится к окончанию своей исторической роли и пролетариат становится единственным представителем прогрессивных стремлений в обществе, мы можем наблюдать явление, аналогичное выше указанному, хотя и совершающее при изменившихся условиях. Во всех передовых государствах цивилизованного мира, в Европе так же, как и в Америке, рабочий класс выступает на поприще политической борьбы, и, чем сознательнее относится он к своим экономическим задачам, тем решительнее выделяется он в особую политическую партию.

В практической жизни дело происходит, конечно, далеко не так скоро, как это можно было бы предположить, рассуждая а priori. Угнетенный класс лишь постепенно уясняет себе связь между своим экономическим положением и своею политическою ролью в государстве. Долгое время он не понимал во всей ее полноте даже своей экономической задачи.

Угнетенный класс еще не существует *для себя*; он *будет* со временем передовым классом общества, но он еще не *становится* им. Сознательно организованной силе господствующего класса противостоят лишь разрозненные, единичные стремления отдельных личностей или отдельных групп личностей. Так, например, и теперь еще не редкость встретить рабочего, который ненавидит особенно энергичного эксплуататора, но не подозревает еще необходимости борьбы против целого класса эксплуататоров и устранения самой возможности эксплуатации человека человеком.

Мало-помалу процесс обобщения делает, однако, свое дело, и угнетенные начинают сознавать себя классом. Но они еще слишком односторонне понимают особенности своего классового положения: пружины и двигатели общественного механизма в его целом остаются еще скрытыми от их умственных взоров.

Только на следующей и последней ступени развития угнетенный класс всесторонне выясняет себе свое положение.

Теперь он понимает, какая связь существует между обществом и государством, и не апеллирует на притеснения своих эксплуататоров к тем, кто представляет собою политический орган той же эксплуатации. Он знает, что государство есть крепость, служащая оплотом и защитой его притеснителям, крепость, которую можно и должно овладеть, которую можно и должно перестроить в интересах своей собственной защиты, но невозможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет. Рассчитывая лишь на самих себя, угнетенные начинают понимать, что «*политическая* самопомощь есть, - как говорит Ланге, - важнейший из всех видов *социальной* самопомощи». Они стремятся тогда к политическому господству, чтобы помочь себе путем изменения существующих отношений и приспособления общественного строя к условиям своего собственного развития и благосостояния. Разумеется, они тоже не вдруг достигают господства; лишь постепенно становятся они грозной силой, исключаяющей в умах противников всякую мысль о сопротивлении. Долгое время добиваются они лишь уступок, требуют лишь таких реформ, которые дали бы им не господство, а только лишь возможность расти и созревать для будущего господства; реформ, которые удовлетворили бы самые насущные, самые ближайшие их требования и хоть немного расширили бы сферу их влияния на общественную жизнь страны. Только пройдя суровую школу борьбы за отдельные клочки неприятельской территории, угнетенный класс приобретает настойчивость, смелость и развитие, необходимые для решительной битвы. Но, раз приобретя эти качества, он может смотреть на своих противников, как на класс, окончательно осужденный историей; он может уже не сомневаться в своей победе. Так называемая революция есть только последний акт в длинной драме революционной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она делается борьбой *политической*.

Прежде рабочий класс побеждал, состоя под начальством буржуазии, и только наивно дивился тому странному обстоятельству, что почти все трудности борьбы падают на его

долю, между тем как почти все выгоды и почести победы достаются его союзнице. Теперь он не довольствуется это служебной ролью и обращает против буржуазии ту самую силу, которая некогда принесла ей победу. Но теперь эта сила значительно увеличилась. Она возросла и продолжает возрастать в той же пропорции, в какой совершались и совершаются концентрация капиталов и распространение крупного производства. Она возросла, кроме того, в той самой мере, в какой умножился политический опыт рабочего класса, выведенного самой буржуазией на арену общественной деятельности. Можно ли сомневаться, что пролетариат, оказавшийся некогда достаточно сильным, чтобы разрушить феодальный абсолютизм под руководством буржуазии, будет со временем достаточно силен, чтобы сломить политическое господство буржуазии по своей собственной инициативе? Буржуазия могла победить феодализм лишь благодаря своему богатству, пролетариат победит буржуазию именно потому, что его удел - «нищета» - становится уделом все большей и большей части современного общества.

... если русские народники и русские народовольцы сделаются, наконец, русскими марксистами и новая, высшая точка зрения примирит все существующие у нас фракции, которые правы каждая по-своему, потому что при всей своей односторонности каждая из них выражает известную насущную потребность русской общественной жизни.

Есть другое препятствие для развития нашего движения в только что указанном направлении. Оно заключается в том отсутствии у нас политического глазомера, которое с самого начала движения мешало нашим революционерам привести свои ближайшие задачи в соответствии со своими силами и которое обуславливается не чем другим, как недостатком политического опыта у русских общественных деятелей. Отправлялись ли мы в народ с целью распространения социалистических изданий, селились ли мы в деревнях для организации протестующих элементов нашего крестьянства, вступали ли мы в непосредственную борьбу с представителями абсолютизма, - мы

езде повторяли одну и ту же ошибку. Мы всегда преувеличивали свои силы, никогда не принимали в расчет во всей его полноте ожидающего нас сопротивления общественной среды и торопились возвести временно благоприятствуемый обстоятельствами способ действия в универсальный принцип, исключающий все другие способы и приемы.

Подобно тому как, по словам Белинского, русское общество, не имея еще литературы, пережило уже все литературные направления, русское социалистическое движение, не сделавшись еще движением нашего рабочего класса, успело уже перепробовать все возможные оттенки западноевропейского социализма.

Предпринятая «Народной Волей» борьба с абсолютизмом, выдвигая наших революционеров на более широкий путь деятельности, заставляя их стремиться к созданию действительной *партии*, будет, без всякого сомнения, сильно содействовать устранению односторонности *кружков*. Но, чтобы прекратить эту постоянную смену программ... русские революционеры должны довести до конца дело критики... Они должны стать в критическое отношение к той самой программе, которая сделала необходимой критику *всех* прежних программ и теорий. «Партия Народной Воли» есть дитя переходного времени. Ее программа есть последняя программа, родившаяся в тех условиях, которые делали нашу односторонность неизбежным и потому законным явлением. Расширяя политический горизонт русских социалистов, программа эта сама не свободна еще от односторонности. В ней также заметно отсутствие политического глазомера, способности сообразовать ближайшие цели партии с ее действительными или возможными силами. Партия Народной Воли напоминает человека, идущего по настоящей дороге, но еще не имеющего понятия о расстояниях и потому уверенного в том, что он тотчас же может «верст сто тысяч отмахать и нигде не отдыхать». Практика разрушит, разумеется, его иллюзию, но это разрушение может стоить ему очень дорого. Лучше ему самому спросить себя, не принадлежат ли семимильные шаги к области фантазии.

Мы глубоко убеждены, что этот фантастический элемент в высшей степени вреден для самой «партии Народной Воли». Как партии социалистической, он вреден ей тем, что отвлекает ее от ее непосредственных задач в среде рабочего класса в России; как партии, взявшей на себя инициативу нашего освободительного движения, он вреден ей тем, что всегда будет отталкивать от нее очень много средств и сил, которые могли бы при других условиях притекать к ней из среды так называемого общества. Объяснимся подробнее.

К кому обращается, к кому *может* и должна обращаться «Народная Воля» в своей борьбе с абсолютизмом? «Привлечение в организацию (Народной Воли) *отдельных лиц из крестьянства*, способных к ней примкнуть, - читаем мы в «Календаре Народной Воли», - конечно, всегда признавалось очень желательным... Но что касается организации в настоящее время в *массе* крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы совершенной фантазией, и, если не ошибаемся, дальнейшая практика не могла изменить в этом отношении мнений наших социалистов». Быть может, «партия Народной Воли» рассчитывает опереться на более передовой слой нашего трудящегося населения, т. е. на городских рабочих?

До тех же пор, пока рабочий класс не развился еще до решения своей великой исторической задачи, обязанность его сторонников заключается в ускорении процесса его развития, в устранении препятствий, мешающих росту его силы и сознания, а не в придумывании социальных экспериментов и вивисекций, исход которых всегда более чем сомнителен. Так понимаем мы вопрос о захвате власти в социалистической революции. Применяя эту точку зрения к русской действительности, мы должны сознаться, что отнюдь не верим в близкую возможность социалистического правительства в России.

«Народная Воля» считает современное «соотношение политических и экономических факторов на русской почве» особенно «выгодным» для социалистов. Мы согласны, что оно более выгодно для них в России, чем в Индии, Персии или Египте, но его, конечно, невозможно и сравнивать с западноевропейскими общественными отношениями. И если «Народная Воля» пришла

к своему убеждению, противопоставляя наши порядки не египетским или персидским, а французским или английским, то она впадала в очень крупную ошибку. Современное «соотношение» общественных факторов «на русской почве» обуславливает собою невежество и индифферентизм народной массы; когда же такие свойства были выгодны для дела ее освобождения?

Требования народа и в конституционной России могут быть оставлены совсем без внимания или удовлетворены лишь настолько, насколько это необходимо для усиления его податной способности, ныне почти совершенно истощенной хищническим характером государственного хозяйства. Сама социалистическая партия, завоевавши либеральной буржуазии свободу слова и действия, может очутиться в «исключительном» положении, подобном положению современной немецкой социал-демократии. В политике благодарность вчерашних союзников и нынешних врагов может рассчитывать лишь тот, кому невозможно рассчитывать на что-либо серьезное.

К счастью, русские социалисты могут строить свои надежды на более прочном основании. Они могут и должны надеяться прежде всего на рабочий класс. Сила рабочего, как и всякого другого, класса зависит, между прочим, от ясности его политического сознания, от его сплоченности и организованности. Именно эти элементы его силы и подлежат воздействию нашей социалистической интеллигенции. Она должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его политические и экономические интересы, равно как и взаимную связь этих интересов, должна подготовить его к самостоятельной роли в общественной жизни России. Она должна всеми силами стремиться к тому, чтобы в первый же период конституционной жизни России наш рабочий класс мог выступить в качестве особой партии с определенной социально-политической программой. Подробная выработка этой программы, конечно, должна быть предоставлена самим рабочим, но интеллигенция должна выяснить им главнейшие ее пункты, как, например, радикальный пересмотр современных аграрных отношений, податной системы и фабричного законодательства, государственная помощь производительным ассоциациям и т.п.

Но мы не преувеличиваем сил наших социалистов и не игнорируем тех препятствий, того сопротивления среды, с которым им неизбежно придется считаться в своей деятельности. Поэтому, и *только поэтому*, мы думаем, что им следует на первое время сосредоточить главное свое внимание на промышленных центрах. Современное сельское население, живущее при отсталых социальных условиях, не только менее промышленных рабочих способно к сознательной политической *инициативе*, но и менее их *восприимчиво* к движению, начатому нашей революционной интеллигенцией. Ему труднее усвоить социалистические учения, потому что условия его жизни слишком не похожи на условия, породившие эти учения. К тому же крестьянство переживает теперь тяжелый, критический период.

Промышленные рабочие, обладающие большим развитием, более высокими потребностями и более широким кругозором, чем крестьянство, примкнут к нашей революционной интеллигенции в ее борьбе с абсолютизмом и затем, добившись политической свободы, организуются в рабочую социалистическую партию, которая и должна будет начать систематическую пропаганду социализма в среде крестьянства.

Такова «программа», которая самою жизнью подсказывается русской революционной социалистической партии.

2. Г.В.Плеханов. «Наши разногласия». (цит. по кн.: Г.В.Плеханов. Избр. филос. произв. В 5-ти тт. М. 1956-1958. Т. 1. С. 131 – 367 выборочно)⁶.

Введение.

В первой главе своей брошюре я сказал несколько насмешливых слов по адресу революционеров, боящихся «буржуазного» экономического прогресса и неизбежно приходящих «к тому поразительному выводу, что экономическая отсталость России является надежнейшим союзником революции, а застой должен красоваться в качестве первого и

единственного параграфа нашей программы-минимум». Я говорил там, что русские анархисты, народники и бланкисты могут сделаться «революционерами по существу, а не по призванию», лишь «революционизируя свои собственные головы, учась понимать ход исторического развития и становясь в его главе, а не упрощая старуху-историю потоптаться на одном месте, пока они проложат для нее новые, более прямые пути».

В статье «Чего нам ждать от революции?» г. Тихомиров, описывая «курьезную роль» тех общественных деятелей, программы которых «лишены связи с жизнью», особенно подробно изображает «трагическое положение» социалистов, думающих, «что для выработки материальных условий, необходимых для возможности социалистического строя, Россия обязательно должна пройти через стадию капитализма».

Итак, «должна» или «не должна» Россия пройти через «школу» капитализма?

Решение этого вопроса имеет огромную важность для правильной постановки задач нашей социалистической партии. Неудивительно поэтому, что на него давно уже было обращено внимание русских революционеров. До самого последнего времени огромное большинство их склонно было категорически решать его в отрицательном смысле. Я также отдал дань общему увлечению, и в передовой статье 3 № «Земли и Воли» я старался доказать, что «история вовсе не есть однообразный механический процесс», что капитализм был необходимым предшественником социализма лишь «на Западе, где поземельная община разрушилась еще в борьбе с средневековым феодализмом»; что у нас, где эта община «составляет самую характерную черту в отношениях нашего крестьянства к земле», торжество социализма может быть достигнуто совсем другим путем: коллективное владение землей может послужить исходным пунктом для организации всех сторон экономической жизни народа на социалистических началах.

А.И.Герцен.

Еще вначале пятидесятых годов А.И.Герцен, доказывая неизбежность социалистической революции на Западе, уже ставил перед нарождающейся русской демократией тот

Вечно тревожный вопрос,
который с тех пор
Столько голов беспокойных томил...
Столько им муки принес

и который послужил поводом, между прочим, и для нашей «полемики против партии Народной Воли».

«Должна ли Россия пройти всеми фразами европейского развития или ее жизнь пойдет по иным законам?» – спрашивал он в своих «Письмах к Линтону».

Связующее звено, мост, по которому русский народ может перейти к социализму, Герцен видел, конечно, в общине и связанных с нею особенностях народного быта.

В его уме по временам возникало, правда, сомнение относительно этой исключительной близости русского народа «к новому социальному устройству».

Авторитет его был так велик, предлагаемое им сокращение пути к социализму было так соблазнительно, что русская интеллигенция начала шестидесятых годов мало была склонна скептически относиться к найденному им решению «социальной антиномии» и вовсе, по-видимому, не задумывалась над вопросом о том, через какие именно местности пролегает этот исторический проселок и кто же именно поведет им русский народ, «равнодушный, неспособный ко всем политическим вопросам»? Для нее важно было прежде всего найти хоть какую-нибудь философскую санкцию своим радикальным стремлениям, и она довольствовалась на первый раз тем отвлеченным соображением, что никакая философия в мире не может заставить ее примириться с буржуазными «полурешениями».

Н.Г.Чернышевский.

«Критика философских предубеждений против общинного землевладения» была и остается самым блестящим в нашей литературе опытом приложения диалектики к анализу общественных явлений. Известно, какое огромное влияние имела статья эта на развитие нашей революционной интеллигенции. Она укрепила ее веру в общину, *доказавши*, что этот вид землевладения может при известных условиях прямо перейти в коммунистическую форму развития. Но, строго говоря, как сам Н. Г. Чернышевский, так и его последователи делали из «критики философских предубеждений» выводы более широкие, чем это допускалось характером посылок. Найденное Чернышевским решение вопроса о судьбе общины было, в сущности, чисто алгебраическим, да и но могло быть иным, так как он противопоставлял его чисто алгебраическим формулам своих противников.

Странно было бы поэтому, если бы автор «Что делать?» не поставил дорогой ему формы современного крестьянского землевладения в связь с идеалами будущего, хотя и далекого, но желательного и, главное, неизбежного.

Но главное преимущество общинного земледелия заключается в поддержании и воспитании того духа ассоциации, без которого немыслима рациональная экономия будущего.

Такова сделанная Чернышевским оценка значения общинного землевладения в настоящей и будущей экономической жизни русского народа.

Но как бы кто ни смотрел на историческое значение *русской* общины, едва ли не для всех социалистов очевидно, что на Западе ее роль безвозвратно покончена и что для западных народов путь к социализму лежал и лежит *от общины через частную собственность*, а не наоборот, не от частной собственности через общину.

Как отразились на общине противоречивые постановления «Положения 19 февраля»? Обладает ли она достаточную устойчивостью для борьбы с неблагоприятными для нее

условиями денежного хозяйства? Не ступило ли уже развитие нашей крестьянской жизни на тот путь «естественного закона своего движения», с которого уже не в состоянии будут совратить ее ни строгость законов, ни пропаганда интеллигенции? А если нет, если наш крестьянин-общинник до сих пор может без большого труда усвоить социалистические идеалы, то ведь это пассивное дело усвоения должно сопровождаться энергичным актом осуществления, требующим борьбы с многочисленными препятствиями; способствуют ли условия жизни нашего крестьянства выработке в нем активной энергии, без которой остались бы бесполезными все его «социалистические» *предрасположения*?

Различные фракции нашего движения различным образом решали эти вопросы. Большая часть революционеров готова была согласиться с Герценом в том, что русский народ «равнодушен, не способен» к политике. Но склонность к идеализации народа была так велика, взаимная связь различных сторон общественной жизни была так плохо выяснена в умах наших социалистов, что в этой неспособности «ко всем *политическим* вопросам» видели как бы гарантию против буржуазн «полу-решений», как бы доказательство большой способности народа к правильному решению вопросов *экономических*.

М.А. Бакунин.

Не так рассуждал Бакунин. Он понимал, что воздействие революционной интеллигенции на народ возможно лишь при наличии известных исторических условий, лишь при существовании в самом народе более или менее сознательного стремления к социалистическому перевороту. Поэтому он исходил из сравнения «народных идеалов» с идеалами нашей интеллигенции, конечно анархического направления.

По его мнению, в русском народе существуют в самых широких размерах те два элемента, на которые мы можем указать, как на необходимые условия социальной революции. «Он может похвастаться чрезмерной нищетою, а также рабством примерным

(sic). Страданиям его нет числа, и переносит он их нетерпеливо, а с глубоким и страстным отчаянием, выразившимся уже два раза исторически двумя страшными взрывами: бунтом Стеньки Разина и пугачевским бунтом, и не перестающим поныне проявляться в непрерывном ряде частных крестьянских бунтов». Совершить победоносную революцию ему мешает не «недостаток в общем идеале, который был бы способен осмыслить народную революцию, дать ей определенную цель». Если бы такого идеала не было, «если бы он не выработался в сознании народном, по крайней мере в своих главных чертах, то надо было бы отказаться от всякой надежды на русскую революцию, потому что такой идеал выдвигается из самой глубины народной жизни, есть непрременным образом результат народных исторических испытаний, его стремлений, страданий, протестов, борьбы и вместе с тем есть как бы образное и общепонятное, всегда простое выражение его настоящих требований и надежд... если народ не выработает сам из себя этого идеала, то никто не будет в состоянии ему его дать». Но «нет сомнения», что такой идеал существует в представлении русского крестьянства, «и нет даже необходимости слишком далеко углубляться в историческое сознание нашего народа, чтобы определить его главные черты».

П.Н.Ткачев, родоначальник того направления, к которому мы переходим теперь, совсем не задумывался о диалектическом анализе наших общественных отношений. Он умозаключал к своей программе непосредственно от *статистики* этих отношений. Современный склад русской жизни казался ему как бы нарочно продуманным для социальной (что, по его терминологии, значило – социалистической) революции. Толковать о прогрессе, развитии – значило для него изменять народному делу. «Теперь или очень не скоро, быть может, никогда!» - таков был девиз его органа «Набат».

Он был последовательнее Бакунина в том смысле, что тверже держался своих посылок и делал из них более логические выводы. Вся беда заключалась лишь в том, что не только эти послылки, но и та точка зрения, на которую он становился при

выработке, были ниже бакунинских, по той простой причине, что они были не чем иным, как упрощенным бакунизмом, бакунизмом, отказавшимся от всякой попытки создать свою философию русской истории и предавшим такого рода попытки революционной анафеме.

Организация заговора с целью захвата власти становится главою практической задачей пропаганды газеты, а потом журнала «Набат». Параллельно с этим идет пропаганда террора и возвеличение «так называемого нечаевского заговора» на счет кружков пропагандистов.

Результаты.

Теперь же взглянем на изложенные нами программы с чисто исторической точки зрения и спросим себя – насколько удовлетворительно был ими поставлен и решен вопрос о состоянии русской общины и о способности русского народа к сознательной борьбе за свое экономическое освобождение?

Мы видели, что как М.А.Бакунин, так и П.Н.Нечаев очень много говорили о коммунистических инстинктах русского крестьянства. Ссылки на эти инстинкты составляют исходную точку их социально-политических рассуждений, главное основание их веры в возможность социалистической революции в России.

Наша молодежь читала произведения обоих писателей и, поделившись на фракции, действительно спешила взяться за дело. С первого взгляда может показаться странным, каким образом ткачевская или бакунинская программа могла найти адептов в той самой интеллигентской среде, которая воспитывалась на сочинениях Н.Г.Чернышевского и уже по одному тому должна была выработать привычку к более строгому мышлению. Но дело, в сущности, просто и объясняется отчасти влиянием того же Чернышевского.

К сожалению, наша революционная молодежь даже и не подозревала, что у ее учителя был какой-то особенный метод мышления. Успокоившись на результатах его исследований, она

видела его единомышленников во всех писателях, отстаивавших принцип общинного землевладения, и между тем как сам автор «Критики философских предубеждений» никогда не мог сойтись, например, со Щаповым, наша молодежь видела в исторических трудах последнего лишь новую иллюстрацию и новые доводы в пользу мнений своего учителя. Тем менее могла она подвергать строгой критике новые революционные учения. П.Н.Ткачев и М.А.Бакунин казались ей людьми совершенно одного направления с Н.Г. Чернышевским.

Последователи Н.Г. Чернышевского не решались даже подумать о критическом отношении к мнениям своего учителя. Строго держась каждой буквы его писаний, они утратили всякое понятие об их духе. Вследствие этого они не сумели сохранить в чистом виде даже результатов исследований Чернышевского и из смеси их с славянофильскими тенденциями образовали ту своеобразную теоретическую амальгаму, из которой выросло потом наше *народничество*.

Таким образом, предшествующая социалистическая литература завещала нам несколько (не нашедших подражателей) попыток применения диалектического метода к решению важнейших вопросов русской общественной жизни и несколько социалистических программ, из которых одна рекомендовала социалистическую пропаганду, считая русское крестьянство столь же восприимчивым к ней, как и западноевропейский пролетариат; другая настаивала на организации всенародного бунта, а третья, не считая возможной ни пропаганду, ни организацию, указывала на захват власти революционной партией, как на исходный пункт русской социалистической революции.

Теоретическая постановка революционного вопроса не только не подвинулась вперед со времени Чернышевского, но во многих отношениях отступила назад, к полуславянофильским воззрениям Герцена. Русская революционная интеллигенция начала семидесятых годов не прибавила ни одного серьезного аргумента в пользу отрицательного решения поставленного еще Герценом вопроса о том, «должна ли Россия пройти всеми фазами европейского развития?».

Русский бланкизм.

Теперь прошло уже десять лет со времени появления важнейших из программ семидесятых годов. Десять лет усилий, борьбы и тяжелых иногда разочарований показали нашей молодежи, что организация революционного движения в крестьянстве невозможна при современных русских условиях. Бакунизм и народничество как *революционные* учения отжили свой век и находят теперь радушный прием лишь в *консервативно-демократическом* литературном лагере. Им предстоит или совершенно утратить свои отличительные черты и слиться с новыми, более плодотворными революционными течениями, или застыть в своем старом виде и служить опорой для политической и социальной реакции.

«Народовольство» не ново даже в том отношении, что ход его идей далеко отстал от «хода вещей», им самим «чинимых». Мало ли было партий, не понимавших исторического значения своей деятельности, мало ли было фикций совершенно не соответствующих смыслу «партионных» действий?

Группа «Освобождение труда».

...разве группа «Освобождение Труда» отказывалась когда-нибудь от «всякой мысли одновременно с переворотом политическим достигнуть в *большей или меньшей степени* переворота экономического»? Какой вздор! Мы не верим только в ту своеобразную теорию, по которой дело известного *класса* может быть совершено — «в *большей или меньшей степени*» — кружком. Мы говорим только, что если адвокат может представлять своего клиента *на суде*, то никакой Комитет — Исполнительный, Распорядительный или как бы там его ни называли — не может представлять рабочего класса *в истории*; что освобождение этого класса *должно быть его собственным делом* и что для совершения этого дела ему нужно приобрести политическое воспитание, понять и усвоить идеи социализма. Мы думаем, что возможность экономического освобождения рабочего класса возрастает прямо пропорционально скорости и

интенсивности этого процесса воспитания и усвоения. Наша социалистическая интеллигенция, со стороны которой было бы ребячеством даже задумываться о совершении экономического переворота собственными силами, может, однако, оказать рабочим неоценимую услугу, подготавливая их к воплощению в жизнь «общей идеи рабочего сословия». Уже в первом литературном произведении группы «Освобождение Труда», в брошюре «Социализм и политическая борьба», ясно сказано, что наша интеллигенция «должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении...

...террористическая борьба при всей своей бесспорной важности не имеет решительно ничего общего с «началом социалистической организации России». Что же сделано «Народной Воле» для приготовления такой организации? Создавала ли она тайные революционные кружки в народной среде? Но почему же ничего не слышно о таких кружках? Вела ли она социалистическую пропаганду в народе? Но где же созданная ею народная литература? Кроме весьма плохо редижированной «Рабочей Газеты», мы не знаем ровно ничего.

Не пора ли перестать пугать общество появлением «красного призрака» с той стороны, с которой никогда не может показаться красное знамя рабочего класса? Толки об этом логически невозможном появлении вредны не по одному тому, что «лишают нас содействия» либералов «при борьбе за конституцию». Они вселяют в нас ни на чем не основанную уверенность и том, что социалистическая революция «ждет» нас помимо всяких усилий с нашей стороны, отвлекают наше внимание от самого важного пункта: *организации рабочего класса для борьбы с его настоящими и будущими врагами.*

Что «наше современное положение значительно разнится от положения европейских стран в момент, когда они (оне) начали организовывать национальное производство на основе частного капитала», — эта мысль не подлежала бы сомнению, если бы была хоть сколько-нибудь сносно сформулирована. Каждый школьник знает, что во всей истории нет двух фактов,

совершившихся при вполне тождественной обстановке; неудивительно поэтому, что каждый исторический период каждой страны «значительно разнится» от соответствующего периода всякой другой страны. Но именно вследствие этого можно аргументированно сказать, что шаблонное противопоставление России «Западу» теряет всякий человеческий смысл, если не сопровождается целым рядом оговорок, поправок и дополнений, так как под Западом Европы понимается не одна, а много весьма различных стран.

... что если бы Маркс и Энгельс... махнули рукой на «Запад» и решили, что «исходным пунктом» социальной революции в Германии должен быть «захват власти» силами тогдашнего «Союза коммунистов»?

А ведь вопрос о таком «захвате власти» вовсе не представляет собою исключительной черты русского движения. Он поднимался даже в «Союзе коммунистов» и вызвал разделение его на две фракции: Маркса — Энгельса, с одной стороны, и Виллиса — Шаппера — с другой.

«Союз коммунистов был поэтому не обществом заговорщиков, а обществом, стремившимся к тайной организации пролетариата, потому что немецкий пролетариат находился под интердиктом, был лишен *огня и воды*, печати, слова и ассоциаций». Само собою понятно, что такого рода деятельность, «которая имела в виду выработку не *правительственной, а оппозиционной партии будущего*», заключала в себе мало привлекательного для людей мало развитых и нетерпеливых, и тогда «от *Союза коммунистов* отделилась фракция, которая требовала если не действительных заговоров, то хоть заговорщицкой внешности и прямого союза с демократическими героями дня».

Что интересы русской буржуазии приходят теперь в непримиримое противоречие с интересами абсолютизма — это знает всякий, следивший хоть с некоторым вниманием за ходом русской жизни в последнее десятилетие. Что та же самая

буржуазия умеет, однако, извлекать пользу из существующего режима и потому не только поддерживает некоторые его стороны, но и целиком стоит за него в известных своих слоях — это также неудивительно. Развитие данного общественного класса есть слишком сложный процесс, чтобы по некоторым частным сторонам его можно было умозаключать обо всем его направлении. Наша буржуазия переживает теперь важную метаморфозу: у нее развились легкие, которые требуют уже чистого воздуха политического самоуправления, но в то же время у нее не атрофировались еще и жабры, с помощью которых она продолжает дышать в мутной воде разлагающегося абсолютизма. Корни ее сидят еще в почве старого режима, но верхушка ее достигла уже развития, указывающего на необходимость и неизбежность пересадки. Кулаки до сих пор продолжают обогащаться благодаря хищническому характеру нашего государственного хозяйства: но крупные заводчики, фабриканты, торговцы и обуржуазившиеся земледельцы понимают уже, что приобретение политических прав необходимо для их благосостояния. За это нам ручаются нередкие в последнее десятилетие петиции правительству, в одной из которых наши крупные промышленники и торговцы просили даже правительство не принимать никаких финансовых мер без совещания с представителями крупного капитала.

Политический режим, выгодный для отдельных *личностей*, становится невыгодным для предпринимательского *класса* в его целом. Представители этого класса, конечно, не выходят на улицу, не строят баррикад, не издают даже подпольных листов. Но буржуазия вообще не любит таких «рискованных» средств. Даже и в Западной Европе она лишь в самых редких случаях первая поднимала знамя восстания: большею же частью она лишь исподволь расшатывала ненавистный ей порядок и пожинала плоды побед народа, который боролся «против врагов своих врагов». Что же касается тайной политической пропаганды, то какая же она была бы буржуазия, если бы не понимала значения разделения труда? Она предоставляет вести это дело так называемой интеллигенции, не отвлекаясь сама от

задач своего материального обогащения. Она знает, что ее дело «верное» и что начатая нашей интеллигенцией политическая борьба рано или поздно очистит поле для ее господства. Разве итальянская буржуазия не предоставляла революционерам таскать из печи каштаны политического освобождения и объединения и разве не она теперь питается этими каштанами?

А если революционеры «захватят власть» и сделают социальную революцию? В это она не верит, да скоро перестанут верить и сами революционеры. Скоро они все поймут, что если люди развертывают зонтики, когда идет дождь, то из этого еще не следует, что дождь может быть вызван развернутыми зонтиками; скоро они убедятся, что если «захват» политической власти есть неизбежное следствие развития рабочего, как и всякого другого класса, то отсюда еще никак нельзя заключить, что достаточно «революционерам из привилегированной среды» захватить власть, чтобы сделать трудящееся население России способным к совершению социалистического переворота. Скоро все наши социалисты поймут, что служить интересам народа можно лишь, организовав и подготавливая народ к *самостоятельной борьбе* за эти интересы.

Но для русской буржуазии как нельзя более выгодна уверенность некоторых наших революционеров в ее бессилии. Она и сама, пожалуй, готова повторять их песню. Она даже делает это при каждом удобном случае.

А мы видим, что иностранные капиталисты с большей нежностью посматривают на Россию и не упускают случая основать в ней новые промышленные предприятия. Какой смысл имело бы это стремление, если бы промышленность действительно развивалась так «туго»; как это кажется г. Тихомирову? Но в том-то и дело, что это мнение отстаивается главным образом в интересах доктрины, для торжества которой наши самобытные писатели готовы игнорировать целый ряд факторов самого недвусмысленного характера. «Тугое развитие» свойственно не столько русскому капиталистическому производству, сколько тем из наших революционеров,

программы которых никак не могут прийти в соответствие с нашей современной действительностью.

А капиталистическое накопление, обращение денег в стране, кредитные операции? Их успехи поистине громадны. До 1864 года у нас почти совсем не было частных кредитных учреждений; в этом году «капитал Государственного Банка доходил до 15 милл. руб...

Приведенные факты не нуждаются в дальнейших комментариях.

Пора иметь мужество сказать себе, что в названной сфере не только ближайшее будущее, но и настоящее принадлежит у нас капитализму. Все условия обмена, все отношения производства складываются в благоприятном для него смысле.

Именно недавним развитием в России денежного хозяйства и объясняется та прочность, которая обнаруживалась *до последнего времени* нашей общиной и которая *до сих пор* продолжает умилять людей, слабых в деле мышления. До уничтожения крепостного права почти все общественное, а в значительной степени и государственное хозяйство России было хозяйством натуральным, в высшей степени благоприятным сохранению поземельной общины. Вот почему этой последней и не могли разрушить политические события времен удельно-вечевого уклада и московской централизации, петровских реформ и «барабанного просвещения» петербургских самодержцев. Как ни тяжело отзывались на народном благосостоянии многие из этих событий, но несомненно, что сами они в последнем счете являлись не предвестниками коренных переворотов в общественном хозяйстве, а лишь следствием тех взаимных отношений, в которых стояли между собою отдельные общины. В основе московского деспотизма лежали именно те «вековые устои народной жизни», которыми восхищаются наши народники.

Будь Россия изолирована от экономических и политических влияний западноевропейской жизни, трудно было бы и предвидеть, когда история подкопает, наконец, экономический

фундамент ее политического устройства. Но влияние международных отношений ускорило естественный, хотя и медленный, процесс развития денежного хозяйства товарного производства. Реформа 19 февраля была необходимой уступкой новому экономическому течению и, в свою очередь, придала ему новую силу. Община не сумела, да и не могла приспособиться к новым условиям. Ее организм надломился, и только ослепленные люди не замечают теперь признаков его разложения.

Разложение нашей общины.

Мы знаем уже, что оно обнаруживается там, где «не имеется благоприятных условий для земледельческого хозяйства всех дворов», там, где «часть дворов постепенно беднеет, слабеет, а затем и совсем расстраивает свое земледельческое хозяйство, перестает заниматься хлебопашеством, обращается исключительно к сторонним промыслам и, таким образом, разрывает свою непосредственную связь с мирской землей». Всюду, где встречается такое положение дел, стремление бедняков к разрыву с общиной настолько естественно, что оно представляет собою или уже существующий факт, или дело очень близкого будущего. Там, где существует причина, не замедлит обнаружиться и следствие.

Мы знаем также, что большинство наших общин поставлено не только в неблагоприятные, но просто в невозможные условия. Наше хозяйство, как общегосударственное, так и специально *народное*, покоится теперь на самом ненадежном основании. Чтобы разрушить это основание, не нужно ни чудес, ни неожиданностей: к этому ведут нас самая строгая логика вещей, самое естественное отправление функций современного нашего общественно-экономического организма. Фундамент разрушается просто от тяжести и несоразмерности частей построенного на нем здания.

А это значит, что, по крайней мере, половина сельских общин в России является бременем для общинников.

Сами народники хорошо сознают неотразимость этого вывода.

Так называемая несокрушимая основа народного быта ежедневно и ежечасно сокрушается давлением государства. Капитализм мог бы, пожалуй, и не вступать в активную борьбу с этой «Непобедимой Армадой», она и без того разрушается о подводные камни малоземелья и налоговых тягостей.

Из сказанного ясно, до какой степени наивны народники, видящие в развитии мелкого поземельного кредита средство упрочения общины и борьбы против капитализма. По своему обыкновению, они рекомендуют как раз те меры, которые могут только ускорить торжество ненавистных им буржуазных отношений.

В случае аренды помещичьих или казенных земель крестьянский мир также превращается в компанию ответственных друг за друга пайщиков, в которой распределение арендованной земли совершается сообразно количеству внесенных денег. При чем же здесь община, при чем «вековые устои»?

Всякий беспристрастный наблюдатель видит, что наша община переживает тяжелый кризис, что самый этот кризис близится к концу и первобытный аграрный коммунизм готовится уступить место личному или подворному владению.

В то время как наши славянофильствующие революционеры утешаются тем соображением, что «три четверти» наших фабричных рабочих «вовсе не пролетарии, а половина работает на фабриках временно и чуть ли не случайно», сами крестьяне отлично сознают, что современная община далеко не такова, как была прежде, и что связь земледельца с землею разрывается все более и более.

Большою ошибкою было бы думать, что так называемая «ликвидация крупного землевладения» спасет нас от капитализма. Во-первых, «ликвидация» эта может оказаться лишь временным, переходным явлением, а во-вторых, само

мелкое земледелие стремится принять буржуазный характер. Та же самая американская конкуренция, перед которой пасуют наши крупные землевладельцы, наложит свою печать и на крестьянина. Превращая наше хлебопашество в производство хлебного *товара*, она подчинит все отношения земледельцев неумолимым законам товарного производства. А эти неумолимые законы ведут к тому, что на известной стадии своего развития товарное производство ведет к эксплуатации производителя, создает капиталиста-предпринимателя и пролетария-работника. Таким образом, вопрос о мелком или крупном земледелии сводится для России лишь к вопросу о торжестве крупной или мелкой буржуазии. Старинные основы крестьянского хозяйства не только не упрочатся «ликвидацией крупного земледелия», но, наоборот, еще более пострадают благодаря полному перенесению в крестьянскую среду всех противоречий товарного производства. Крестьянское сословие тем скорее разложится на два враждебных лагеря: эксплуатирующего меньшинства и трудящегося большинства.

Вывод.

Если после всего сказанного мы еще раз спросим себя – пройдет ли Россия через школу капитализма, то, не колеблясь, можем ответить новым вопросом – почему же бы ей и не окончить той школы, в которую она *уже поступила*?

Все наиболее новые, а потому и наиболее влиятельные течения нашей общественной жизни, все наиболее знаменательные факты в области производства и обмена имеют один несомненный и бесспорный смысл: они не только расчищают дорогу капитализму, но и сами являются необходимыми и в высшей степени важными моментами его развития. *За капитализм* вся динамика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и, в свою очередь, определяют направление и скорость его движения. *Против капитализма* лишь более или менее сомнительные интересы некоторой части крестьянства да та сила инерции, которая по временам так больно дает себя чувствовать развитым людям всякой отсталой,

земледельческой страны. Но крестьяне недостаточно сильны, чтобы защищать свои действительные интересы; с другой стороны, они часто недостаточно заинтересованы, чтобы энергично отстаивать старые принципы своего общежития. Главный поток русского капитализма пока еще невелик; еще не много таких мест в России, где отношения нанимателя к работнику совершенно соответствовали бы общераспространенному представлению об отношениях труда к капиталу в капиталистическом обществе.; но в этот поток со всех сторон направляется такое множество мелких и крупных ручейков, ручьев и речек, что общая масса направляющейся к нему воды огромна, и быстрый, сильный рост потока не подлежит сомнению. Его уже нельзя остановить, еще менее можно его высушить; остается лишь регулировать его течение, если мы не хотим, чтобы он принес нам один только вред, если мы не отказываемся от надежды хотя отчасти подчинить стихийную силу природы разумной деятельности человека.

Но что же делать в таком случае нам, русским социалистам, привыкшим думать, что наше отечество обладает какой-то хартией самобытности, выданной ему историей за никому, впрочем, неизвестные заслуги?

Нетрудно ответить на этот вопрос.

Все непонятные законы общественного развития действуют с неотразимою силой и слепую жестокостью законов природы. Но узнать тот или другой закон природы или общественного развития – значит уже, во-первых, уметь избегать столкновения с ним, а следовательно, и напрасной траты сил, а во-вторых, - быть в состоянии регулировать его приложение так, чтобы извлекать из него пользу. Эта общая мысль всецело применяется к интересующему нас частному случаю. Нам нужно воспользоваться в интересах революции и трудящегося населения совершающимся в России социально-экономическим переворотом. Для нас не должно остаться потерянными то в высшей степени важное обстоятельство, что социалистическое движение началось у нас уже в то время, когда капитализм был еще в зародыше. Эта особенность русского исторического развития не придумана славянофилами или

славянофильствующими революционерами. Она составляет бесспорный, всем известный факт, который принесет огромную пользу делу нашего рабочего класса, если только русские социалисты не растратят своей умственной и нравственной энергии на постройку воздушных замков в стиле удельно-вечевой эпохи.

Характер предстоящей революции.

Итак, что же именно делать «некоторой части социалистов», убедившейся в «исторической неизбежности русского капитализма»? Какую действительную пользу для дела русского рабочего класса можно извлечь из того обстоятельства, что начало социалистического движения почти совпало у нас с падением экономических порядков доброго старого времени? Вот вопросы, на которые мы необходимо должны ответить.

Что сулит России будущее?

Нам казалось, что прежде всего — торжество буржуазии и начало политической и экономической эмансипации рабочего класса. Такой исход казался нам самым вероятным ввиду многих и многих фактов. Мы исследовали современное положение нашего народного хозяйства и решили, что не спасут его старинных основ никакие реформы. Но мы рассуждали так, забывая что «история человечества идет подчас самыми невероятными путями».

На нашей дороге нас ждет, во-первых, очень приятное известие. России предстоит революция, «мы идем к катастрофе».

Но «едва ли Россия в современном хаотическом состоянии может ждать, пока буржуазия сложится сама настолько, чтобы уметь привести этот хаос к какому-нибудь порядку, хотя бы даже буржуазному»... Потому, «если мы доживем до крушения существующего строя раньше этого, то буржуазия не имеет никаких данных захватить политическую власть».

Мы видим отсюда, что «переживаемый нами момент», действительно, очень благоприятен для социальной революции; с одной стороны, «едва ли Россия может ждать», а с другой — и власть-то захватить, кроме народа, да, пожалуй, революционной партии, решительно некому. П.Н.Ткачев был совершенно прав,

говоря, что социальная революция будет «теперь или очень нескоро, быть может, никогда». Но в таком случае неправ был П.Л.Лавров, называвший это уверение спекуляцией на невежество русских читателей.

Г-н Тихомиров утешает нас, правда, соображениями о самобытном развитии России. Но, во-первых, никакие исторические особенности данной страны не избавляют ее от действия общих социологических законов, а во-вторых, мы знаем уже, что экономическая действительность современной России вовсе не подтверждает политических парадоксов редактора «Вестника Народной Воли». Разочарование народа в самодержавии царей только начинает казаться *вероятным*, между тем как возрастающее разложение общины и проникновение в народную жизнь буржуазных принципов стало уже несомненным и неоспоримым фактом. Что если такого рода параллель удержится и в будущем? Ведь ко времени полного разрыва народа с царизмом буржуазия может стать всесильной. Откуда же возьмется у нас тогда «народоправление»?

Но вообразим иной фазис общественного развития, представим себе страну, в которой крупная промышленность только стремится еще к господству, между тем как товарное производство уже легло в основу ее хозяйства; другими словами, перенесем в страну мелкой буржуазии. Какие экономические задачи должен будет решать «самодержавный народ в этом случае»? Прежде всего и исключительно — задачу обеспечения интересов мелких индивидуальных производителей, так как именно этот класс составляет большинство народа. Но, идя по этой дороге, не минуешь ни капитализма, ни господства крупной буржуазии, так как сама объективная логика товарного производства заботится о превращении мелких индивидуальных производителей в наемных рабочих, с одной стороны, и буржуа-предпринимателей — с другой. Когда совершится такое превращение, рабочий класс, разумеется, воспользуется всеми политическими средствами для смертельной борьбы с буржуазией. Но тогда взаимные отношения общественных классов станут резко определенными, место «народа» займет рабочий класс, и народное самодержавие превратится в диктатуру пролетариата.

Отсюда следует, что степень подготовки данного народа к истинной и неподдельной демократии определяется степенью его экономического развития. Определенность экономических отношений обуславливает не меньшую определенность в группировке политической, антагонизм труда и капитала вызывает борьбу рабочих партий с буржуазными. Развитие же производительных сил приближает эту борьбу к концу и обеспечивает торжество пролетариата. Так было и есть во всех «западных» странах.

Но гг. славянофильствующим революционерам не хочется, чтобы точно так же было и в России. Подобно тому как русский крестьянин не любит писаных законов и стремится обделать всякое дело по-своему, «по душе», русский интеллигентный человек боится законов исторических и апеллирует к самобытности, к «субъективному методу в социологии» и т. п., т. е. в сущности к той же «душе». Рассматриваемая с точки зрения «души», история получает совершенно своеобразную окраску.

Мы всегда стремились обращать главное внимание не на субъективную, а на объективную сторону дела, не на мысли и чувства отдельных личностей — хотя бы эти личности носили даже диктаторское звание, — а на социальные условия, с которыми им приходится считаться, на внутренний смысл тех общественных задач, за решения которых они берутся. Мы не потому говорим против захвата власти, что «всякая диктатура портит самых лучших людей», — это вопрос, едва ли окончательно разрешенный «историей и психологией». Но мы думаем, что если «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих», то никакая диктатура ничего не сделает там, где рабочий класс, «городской и сельский», не подготовлен к социалистической революции. А такая подготовка идет обыкновенно параллельно с развитием производительных сил и соответствующей им организации производства. Вот почему мы и задавались вопросом — насколько современные экономические отношения России оправдывают программы людей, стремящихся к захвату власти и обещающих совершить ее с ее помощью целый ряд социально-политических чудес? Есть ли у этих людей более физической возможности исполнить свои обещания, чем у синицы, собиравшейся зажечь море? И мы пришли к отрицательному ответу. В брошюре «Социализм и

политическая борьба» мы подробно объяснили, почему мы считаем такой ответ единственно возможным в настоящее время.

Таким образом, *результаты заговора* социалистической интеллигенции, с целью захвата власти в ближайшем будущем, *станут тем более сомнительными, чем более сочувствия встретит он во влиятельных сферах, т. е. чем вероятнее будет его внешний успех*; и наоборот, результаты такого заговора — поскольку речь идет о намерениях его участников — будут тем несомненнее, чем более его сфера ограничится нашей социалистической интеллигенцией, т. е. чем невероятнее будет его счастливый исход.

Здесь-то и обнаруживается различие между точками зрения социал-демократов, с одной стороны, и бланкистов — с другой. Первые требуют объективных гарантий успеха своего дела, гарантий, которые заключаются для них в развитии сознания, самостоятельности и организации в среде рабочего класса; вторые довольствуются гарантиями чисто субъективного свойства, отдают дело рабочего класса в руки отдельных лиц и комитетов, приурочивают торжество дорогой им идеи к вере в личные свойства тех или других участников заговора. Будут заговорщики честны, смелы и опыты — восторжествует социализм; неостанет у них решимости или умения — победа социализма отодвинется на время, быть может короткое, если явятся новые, более умелые заговорщики; а быть может, и бесконечно долгое, если таких заговорщиков не будет. Все подводится здесь к случаю, уму, умению и воле отдельных единиц.

И пусть не говорят нам, что современные русские бланкисты не отрицают значения подготовительной деятельности в среде рабочего класса. Никакое сомнение невозможно на этот счет после того, как «Календарь Нар. Воли» объявил, что городское рабочее население имеет «особенно важное значение для революции» (стр. 130). Но есть ли на свете хоть одна партия, которая не признавала бы, что рабочий класс может оказать ей важную помощь в достижении ее целей?

С точки зрения социал-демократа истинно революционное движение настоящего времени возможно только в среде рабочего

класса; с точки зрения бланкиста революция только частью опирается на рабочих, имеющих для нее «важное», но не главное значение. Первый полагает, что *революция* имеет «особенно важное значение» для рабочих; но мнению второго, рабочие имеют, как мы знаем, особенно важное значение для революции. Социал-демократ хочет, чтобы рабочий сам сделал свою революцию; бланкист требует, чтобы рабочий поддержал революцию, начатую и руководимую за него и от его имени другими, положим хоть гг. офицерами, если вообразить нечто вроде заговора декабристов. Сообразно с этим изменяется и характер деятельности и распределение сил. Один обращается главным образом к рабочей среде, другие имеют с ней дело только между прочим и когда этому не мешают многочисленные, сложные, непредвидимые и все более и более возрастающие нужды начатого вне ее заговора. Это — различие огромной практической важности; именно им-то и объясняется враждебное отношение социал-демократов к заговорщицким фантазиям бланкистов.

Вероятные последствия «народной» революции.

Но будем сговорчивы. Допустим невероятное: предположим, что «власть» действительно оказалась в руках наших современных революционеров. К чему приведет их такая удача?

Большое количество земли настолько упростит положение крестьянства, настолько увеличит значение лишних рабочих рук в его семье, что оно не увидит ни надобности, ни возможности тратить большое количество денег и времени на высшее образование.

Университеты нужны чиновничьему государству, буржуазии, дворянству, наконец нужны будут пролетариату, который без высшего научного образования не управится с поступившими в его распоряжение производительными силами; в царстве же крестьянских общин университеты будут роскошью, мало привлекательною для практичных домохозяев. Но допустим, что крестьянам «легко понять» значение высшего образования. Припомним, кроме того, что после «народной революции» останется и буржуазия и дворянство; положим, что и та и другое будут «обессилены» ровно настолько, насколько это нужно для того, чтобы, не вредя народу экономически, они

имели возможность посылать своих детей в высшие школы. Почему думает г. Тихомиров, что эти школы будут рассадниками *социалистической интеллигенции*?

Выгоды социалистического общежития так очевидны, что, казалось бы, их «легко понять» всякому. Но только социалисты утопического периода могли не знать, что действительное понимание социализма идет лишь рядом с настоятельной экономической необходимостью. В крестьянском же государстве такая необходимость может представиться лишь в виде редкой случайности.

Ну, а ныне существующая интеллигенция? — спросит читатель, — разве не может она, переживя народную революцию, посвятить свои силы «на служение народу, на организацию его труда и его общественных отношений»?

Много ли таких «интеллигентов»? Много ли, извините, понимают они сами? Что сделают они против неумолимой логики товарного производства?

Их усилиям поможет западноевропейская революция? О ней-то мы и хотим теперь побеседовать.

Западноевропейская революция будет могущественна, но не всесильна. Чтобы оказать решительное влияние на другие страны, социалистические государства Запада должны будут иметь какие-нибудь проводники для такого влияния. «Международный обмен» — могучий, но опять-таки не всесильный проводник. Европейские страны ведут деятельные торговые сношения с Китаем; но едва ли можно быть уверенным, что рабочая революция на Западе в очень скором времени «навяжет» Китаю «социалистическую организацию в сфере внутреннего обмена». Почему? Потому, что «социальная конструкция» Китая очень уже затрудняет решительное влияние на него европейских идей и учреждений. То же можно сказать о Турции, Персии и т. д. А что такое представляет «социальная конструкция» блистательной Порты? Прежде всего — крестьянское государство, в пределах которого сохранилась не только сельская община, но и задруга, но схеме наших народников, гораздо более близкая к социализму.

Европейская рабочая революция несомненно и очень сильно повлияет на все те страны, в которых хоть некоторые слои граждан будут походить на европейский рабочий класс по своему экономическому положению, по своему политическому воспитанию и по привычкам мысли. Наоборот, ее влияние будет

сравнительно слабо там, где таких слоев не окажется. Февральская революция отразилась почти во всех странах, схожих с Францией по своей «социальной конструкции». Но поднятая ею волна разбилась на пороге крестьянской Европы. Смотрите, как бы не повторилось того же и с будущей революцией пролетариата!

«Смысл басни сей таков», что Запад — Западом, а Россия — Россией, или, другими словами, на чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай да свой затевай. Как бы ни было могущественно возможное влияние европейской революции, но мы должны позаботиться о создании тех условий, которые сделали бы это влияние действительным. Половинчатая же крестьянско-мещанская революция г. Тихомирова не только не создаст таких условий, но уничтожит даже и те из них, которые существуют уже в настоящее время.